

ВИТАЛИЙ МАЛЬКОВ

НАДО ЖИТЬ

РАССКАЗ

Вот же какая интересная штука получается. Живёт себе спокойно человек, делает какие-то свои дела, заботясь о личном благополучии, выпивает иной раз для души с друзьями, а когда и сам, и совсем не думает о том, что в любой момент может запросто в больницу угодить, где он будет уже не Иванов или Сидоров, а “больной Иванов” или “больной Сидоров”. И тогда на какое-то время главными людьми в его жизни сделаются врачи, медсёстры и санитарки, которым он будет подчиняться, как какому-нибудь родному начальству, а то и почище...

Такие мысли появились у Николая Корнеева, когда он оказался в областной больнице, в отделении гастроэнтерологии, и сам убедился в этой непреложной истине. Началось же всё с того, что заныло у него что-то в правом боку, и никак эта боль не желала униматься, а только делалась настойчивей и неприятней. Николай долго терпел, как и всякий русский мужик, но потом, под напором жены, решился-таки пойти к участковому терапевту, а тот его и направил в областную больницу обследоваться.

— Полежите там две недельки, проверите свои печёночку и желчный, — ободряюще улыбулся ему молодой уже доктор с лукавым взглядом из-за очков. — Вы как насчёт алкоголя?

— Да как и все, — пожал плечами Корнеев, — нормально.

— Ну вот, пусть и посмотрят там, что да как. Мало ли. Возраст у вас

МАЛЬКОВ Виталий Олегович родился в 1972 году в городе Артёмовске Донецкой области. Окончил Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. Публиковался в журналах “Наш современник”, “Роман-журнал XXI век”, “Подъём”, “Звонница” и других. Автор сборника прозы “Продавец книг”. Живёт в Белгороде.

уже подходящий для разных болезней, так что сильно не удивляйтесь, если что-нибудь найдут.

В свои сорок восемь лет Николай на здоровье пока не жаловался, слава Богу, крепкий организм от предков достался. Если и болел, то по мелочам — простудой, в основном. А тут на тебе... Угораздило! Но ничего не поделаешь, шутить с этим делом не стоило. Вдруг, и в самом деле, какая-то серьёзная хворь прицепилась...

Прослужил исправно Николай Корнеев в ракетных войсках без малого двадцать один год. Может, служил бы и дальше, да вдруг оказался родному государству не нужен, как и тысячи других офицеров, и вышел по сокращению на пенсию в возрасте неполных сорока трёх лет и в звании майора.

Поначалу, конечно, пугала завтрашняя неизвестность. Ведь раньше всё было просто и понятно, расписано по часам и известно наперёд, а тут надо как-то самому заботиться о себе и о семье. Но ничего, постепенно приноровился он к такой новой жизни и сумел её вполне обустроить. Пришлось, правда, несколько раз сменить место работы — частные предприятия и фирмы, куда Николай нанимался охранником или ещё кем, через какое-то время, как правило, закрывались, а их хозяева убегали за границу. Последние два года он охранял громадный тепличный комплекс, где по новейшим голландским технологиям выращивались огурцы, помидоры и несколько сортов салата, и пока всё шло хорошо — деньги платили приличные и вовремя...

Палата, в которую определили Корнеева, была пятиместной, со своим туалетом и душем, разве что холодильник находился в столовой, но поскольку кормили там более или менее сытно, то особой надобности в нём не имелось. Кровать Николаю досталась в углу, рядом с окном, откуда, с высоты пятого этажа, открывался красивый вид на ухоженные клумбы, пестревшие цветами, и на сквер за больницы оградой. Последние дни лета выдались солнечными и жаркими, и окно днём и ночью было открыто, иначе в палате тут же начиналась духотища.

Коллектив подобрался, что надо — нормальные мужики, а не какие-нибудь хмыри из деловых, из тех, у кого лишь “бабло” на уме да презрение к трудовому человеку лезет из всех щелей. Один лежал с язвой желудка, у другого в желчном пузыре не давали покоя камни, третий маялся поджелудочной, а у четвёртого, как выяснилось, вообще печень пересаженная, так как своя пришла от цирроза в негодность.

Язвенника звали Фёдором Сивцевым. Маленький и сухопарый, с блеском в чёрных глазах, он был словоохотливым и гораздым на всякие интересные истории и байки, а работал водителем маршрутки. В нём Николай в первый же день нашёл себе собрата по душевным разговорам, которые всегда уважал. Почти всё свободное от процедур и обследований время они обсуждали политику или спорили о Боге, об инопланетянах, древних народах и о прочих необычных вещах. Корнеев вообще любил узнавать что-то новое и делиться этим с кем-то ещё. Раньше, в советские времена, он выписывал много журналов, таких как “Вокруг света” и “Наука и жизнь”, и зачитывал их до дыр, но теперь они стали слишком дорогими для подписки. Споры с Сивцевым нередко доходили до накала, так как Фёдор упрямством не уступал Николаю, и каждый норовил доказать, что прав именно он. Впрочем, оба быстро остывали и друг на друга ничуть не сердились.

Тот, что с камнями в желчном, в отличие от Сивцева, был молчаливым и всё больше коздовал над кроссвордами, лишь изредка вставляя в разговоры двусмысленные фразы. И нельзя было понять, что у этого человека в душе. Фамилия у него оказалась под стать характеру — Тихонин, да и внешность была непримечательная и незапоминающаяся. О своей работе он упоминал вскользь — мол, начальник отдела труда и зарплаты на каком-то предприятии. Но верилось в это с трудом, потому как на начальника он совсем не походил — уж всевозможного начальства Николай на своём веку повидал предостаточно и даже порядком от него подустал. Обычно все эти товарищи необычайно любили командовать и ругаться почём зря, имели важный вид и сердитый взгляд, точно персонажи Салтыкова-Щедрина. Иногда даже казалось, будто этих самых начальников выращивают из пробирок

в неких специальных секретных инкубаторах, как особую породу людей для руководства другими.

Короче, туманный попался субъект, но вроде бы безвредный, и то ладно.

А обитателя палаты, у которого болела поджелудочная, все уважительно называли Иванычем. Он был здесь самым старшим, в нём чувствовались большой житейский опыт и мудрость, хотя Иваныч этим никогда не козырял и не пытался никого поучать, своё мнение никому не навязывал. В споры между Фёдором и Николаем он не вмешивался, но всегда внимательно слушал, добродушно усмехаясь в седые усы. Если же кто-то о чём-то его спрашивал, Иваныч отвечал коротко и ясно, как бы даже что-то не договаривая, будто стеснялся красноречия. Он скромно поведаль, что работает в кукольном театре слесарем-сантехником и вполне тем доволен.

“Странная штука, — удивлялся Николай, — казалось бы, простой человек, не какая-нибудь там важная шишка или деятель известный, а душа сама к нему тянется...”

Возможно, причиной тому были его внимательные серые глаза с грустинкой, которые сразу располагали к себе, внушали доверие.

Чужую печень носил пятидесятилетний подполковник милиции в отставке Борисов Виктор Анатольевич. Он рассказал, что каждые полгода ложится в больницу проверять, как справляется его новый орган, с которым он жил уже третий год. Выглядел же он вполне здоровым и даже слегка упитанным.

— Пить-то тебе, небось, нельзя? — с участием спросил его Николай.

— По праздникам сто грамм позволяю, — улыбнулся в ответ Борисов.

— Ну, а как насчёт жирного, острого?

— Нежелательно, конечно, но не лишать же себя последних радостей жизни!

— И то верно, — согласился Николай. — Ну, дай тебе Бог...

Подполковник этот, кстати, поставил в палате маленький плоский телевизор, который ловил на свою антенну десяток каналов, так что лежать было не так скучно. К тому же, у него имелись карманные шахматы на магнитах, и все, кроме Тихонина, по очереди в них играли.

Вот так Корнеев и пребывал в стационаре, пока врачи выявляли причину его болей в боку. Только юный возраст большинства этих врачей вызывал некоторые сомнения в их способностях.

— Сопливые ведь совсем, — высказался в палате Николай. — Неужели всё знают и умеют?

— Чудак, ты радуйся, что хоть такие есть, — возразил ему Сивцев. — Это хорошо ещё, у нас университет медиков выпускает, а так бы беда была. Опытные-то в частные клиники уходят. Там зарплату посолидней.

— Понятно, всем хочется жить лучше, — вздохнул Николай. — Но нам-то от этого не легче. Эти студенты, похоже, на нас и учатся, как на кроликах подопытных.

Лично ему досталась с виду девчонка девчонкой по имени Инна Сергеевна. Была она худенькая и быстрая в движениях и постоянно куда-то спешила, перемещая чуть ли не бегом, словно внутри неё работал некий моторчик. Надо признать, относилась она к своим больным чутко, а к делу — щепетильно, подробно расспрашивая про жалобы и проявляя упорство, заменявшее ей опыт.

Когда Инна Сергеевна заходила в палату, у Николая сразу куда-то пропадала боль, а на душе становилось теплее. Остальные мужики тоже начинали перед ней бодриться — видно, девушка-врач нравилась всем. Карие глаза, окаймлённые длинными пушистыми ресницами, густые тёмные волосы, обычно собранные на затылке в двойной пучок, а также белый медицинский халатик — здесь и в самом деле было на что заглядеться.

Она постоянно напускала на себя серьёзность и строгость, видимо, чтобы казаться старше и солидней, но, разговаривая с ней, Корнеев не мог избавиться от ощущения, что перед ним, в сущности, ещё ребёнок. Похоже, так думал не только он.

— Мою младшую напоминает, — признался однажды Иваныч, задумчиво глядя на закрывшуюся за врачом дверь и поглаживая пальцами усы. — Такая же бедовая.

— Да, хороша девчуха. — Фёдор мечтательно закатил глаза, почёсывая после укола зад. — Эх, скинуть бы мне годков пятнадцать... Я б за неё приударил.

— Что, око видит, да зуб неймёт? — поддел его Николай.

— Обижает, я ещё вполне могу, — ухмыльнулся Фёдор. — Мне всего-то сорок девять.

— Тоже мне, Казанова выискался. Для таких, как она, мы с тобой уже деда древние.

— Да брось ты, — махнул рукой Фёдор, тут же охнув от боли в ягодице. — Дело вовсе не в возрасте.

— А в чём?

— Ты телевизор смотришь? Не видишь, что ли, с какими девахами все эти долбаные олигархи маячат перед камерами? Сейчас, главное, были бы деньги. Взять, к примеру, моего Володьку. Женился на сокурснице сразу после технологического. Говорил, что у них любовь до гроба. Ну, и что?

— Что? — переспросил со своей койки Борисов.

— Да то... — Фёдор pokrивился. — И года вместе не прожили. Ленке его денег всё было мало. Подавай ей, видишь ли, богача. А сама только транжирила на что попало... Короче, сбежала с каким-то мордovorотом... этим, как его... риэлтором, мать его. Финтифлюшка ещё та оказалась... Вот тебе и вся любовь.

— Нет, Инна Сергеевна не такая, — уверенно заключил мудрый Иваныч. — У неё глаза живые и тепло излучают. Я человека по глазам вижу... Суматошная маленько, но это пока молодая. В голове, поди, ухажёры да свидания. Ничего, остепенится ещё...

Уже на третий день Николаю обследовали ультразвуком печень и брюшные органы. Хмурая, толстая тётка лет пятидесяти больно надавливала приборчиком на подреберье и, глядя на экран компьютера, говорила юной помощнице показания, заодно объясняя их пациенту.

— Печень... левая доля в пределах, правая немного увеличена, но это сейчас у многих... Контур ровный, структура однородная. В принципе, ничего страшного не вижу. Есть небольшая липидодистрофия. Вышиваете? Ну вот, чего же вы хотите... У самой муж такой... Так, желчный в норме... Поджелудочная... умеренно выраженные диффузные изменения. Селезёнка... в порядке. Ну, что ж... — Она положила приборчик и критически оглядела Николая. — Не увлекайтесь алкоголем, и проживёте ещё долго. Вам понятно? Тогда больше не задерживаю.

— Понял, спасибо.

Корнеев бодро вскочил с кушетки, обрадованный заключению. Вышло, что печень и желчный у него вполне здоровы. Это, конечно, утешало, но оставалось всё же неясным, отчего болит в боку...

А следующим испытанием для Корнеева была очень уж неприятная процедура — “глотание кишки”, по-научному называвшееся гастроскопией. Николаю когда-то давно приходилось проходить через это медицинское “издевательство”, и повторять его совсем не хотелось, но деваться было некуда.

Два молодых врача, похожих друг на друга высоким ростом и довольными улыбками на сытых лицах, словно “двое из ларца”, проделали всё быстро и ловко — один пропихивал зонд Корнееву сначала в пищевод, а затем в желудок, а его напарник в это время колдовал у компьютера. Через каких-нибудь пять минут уже были известны результаты.

— Очаговый атрофический гастрит со стороны двенадцатиперстной кишки, — с умным видом сказал один из этих дюжих “близнецов”, а второй, посмотрев на экран монитора, только многозначительно хмыкнул.

Слова врача были малопонятны, а потому пугали.

— Это опасно? — Николай напрягся.

— Ну... в известной степени, — неопределённо ответил молодой специалист, которому, видимо, очень хотелось поразить пациента своей ученостью. —

Если не будете следить за питанием и запустите, то легко заработаете язву или что похуже.

— А болеть в боку от этого может?

— Может, — кивнул врач. — Нервы ведь и в желудке есть. Да вы не волнуйтесь, мы вас подлечим, — уверенно добавил он. — Лекарств сейчас хороших много. Медицина на месте не стоит. Как говорится, только плати... — Он ухмыльнулся. — А вообще, пейте регулярно кефир, не налегайте на копчёности и поменьше нервничайте. Такой вам совет.

— Ага, попробуй с нашей жизнью не нервничать, — вздохнул Николай.

Здесь, в больнице, Корнеев впервые серьёзно задумался о старости, которую, как ни старайся, никому не миновать — незаметно подкараулит за углом и обнимет так крепко, что руки и ноги сделаются вялыми и непослушными, а то и ещё что похуже случится.

А она-то ведь, эта самая старость, уже не за горами. Ну, побарахтается он ещё лет десять-пятнадцать, конечно, если Бог даст, а дальше всё, тушите свет...

Добрую половину лежащих в отделении составляли пожилые люди, и каждый день Николаю поневоле приходилось их видеть, и от этого в его душу всё глубже забиралось уныние. Одни постоянно хныкали и на что-то жаловались, в том числе упрекая врачей и медсестёр в плохом обращении и нежелании лечить больных, а другие же, наоборот, были довольны и хвалили регулярное питание и чистые постели, радовались, что есть с кем пообщаться. Но, по большому счёту, те и другие были одиноки и несчастны, им остро не хватало любви и заботы, а к некоторым и не приходил никто из родственников.

“Совсем как дети”, — думал Николай, наблюдая за этими стариками и старухами, чья жизнь неотвратимо приближалась к своему завершению, и чувствовал щемящую сердце жалость к ним, а может, и к себе в будущем.

“Почему природа так жестоко поступила с человеком, придумав зачем-то старение и смерть? Нет бы, сделала его бессмертным и вечно молодым, чтобы мог он спокойно себе любоваться тысячу лет этим бесконечным миром, познавать его и созидать в нём. Так нет же, зараза... Но ведь какой-то смысл в человеческую жизнь она, вне всякого сомнения, заложила. Так какой же? Не может быть, чтобы во Вселенной всё происходило случайно и хаотически...”

Эти мысли сделались навязчивыми, не давая Корнееву покоя с утра до вечера, а то и по ночам, мешая выспаться. Конечно, думал он, рано или поздно учёные найдут способ победить смерть или, по крайней мере, отодвинуть её как можно дальше. Обязательно найдут! Вот если бы дожить до такого прекрасного времени...

Ему хотелось на эту тему высказаться и послушать, что скажут другие.

— Я тут недавно одну интересную статью прочитал, — завёл как-то разговор Николай. — Про человеческий мозг. Оказывается, очень сложная это штука, и, главное, всю жизнь сам себя перестраивает. И работает быстрее любого компьютера. Удивительно, всё-таки. По сути, сложнейший биологический компьютер.

Дело было после обеда, во время тихого часа, и все пятеро отдыхали в палате.

— Да, создала природа, — согласился Сивцев. — Тут, действительно, в Бога поверишь. Как всё продумано до самых мелочей...

— А ты что, Фёдор, не веришь? — с улыбкой спросил Иваныч.

— Да как тебе сказать... — Сивцев привстал на койке, опершись на локоть. — Я пока не определился в этом вопросе. Конечно, хочется, чтобы после смерти что-то было дальше, но... — Он пожал плечами. — Всё это как-то уж очень сомнительно. В уме не укладывается.

— Я тоже раньше не верил, — сказал Борисов. — Пока на войну не попал.

— А теперь? — тихо спросил Николай.

— А теперь точно знаю: Бог есть. Это начинаешь понимать, когда почувствуешь, как смерть рядом прошла и косою на тебя замахнулась, но почему-то не забрала. Видно, ещё не настало время...

На минуту в палате воцарилась тишина. Видимо, каждый задумался над словами подполковника, от которых веяло чем-то мистическим. Николай представил, как Смерть в виде чёрной старухи с косой бродит между ведущими бой солдатами, выбирая среди них по каким-то своим, известным одной ей соображениям того, кому в следующий миг предстоит получить пулю в молодое, горячее сердце или в голову и навсегда покинуть этот мир. Наверное, когда в двух шагах от тебя замертво падает твой товарищ, в самом деле, поневоле задумаешься о том, кому предназначалась убившая его пуля, и ощутить что-то такое, что невозможно объяснить никакой наукой. Вполне может быть, что в такие моменты человек начинает верить в Бога и судьбу.

— Хорошую религию придумали индусы: что мы, отдав концы, не умираем насовсем, — продекламировал Иваныч, отвлекая всех от не очень весёлых раздумий.

— Высоцкий, что ли? — обрадовался Сивцев. — Да, вот кто мог так мог... Жаль, прожил мало, а то бы ещё написал.

— Это точно, — согласился Борисов. — Зато какой след после себя оставил! А что толку дожить до ста лет, серенько и незаметно, если тебя на второй день забудут. То ли жил ты, то ли и не было тебя вовсе...

— Нет, погоди-ка, — заспорил Сивцев. — Получается, если я ничего не написал, так что, зря живу? — Он встал и прошёлся туда-сюда по палате, засунув руки в карманы длинных, до колен, серых в клетку шортов. — Лично мне моя работа нравится. Кто-то же должен и баранку крутить, и в унитазах ковыряться... Каждый человек решает сам для себя, как ему жить. Главное, чтобы от тебя какая-то польза была, а не вред.

“А что я оставлю после себя, какой след? — возник в голове Николая вопрос. — Когда служил в армии, то вроде был неплохим офицером, — может, порой чересчур строгим, но справедливым. Ни разу никого из товарищей не подвёл и не предал, по начальству не бегал с кляузами. Разве этого мало?”

Тогда казалось, что делает он нужную работу — защищает Родину. Что может быть почётней и достойней уважения? Правда, потом, когда отправили на пенсию, возникли сомнения... Теперь же и вовсе старался о таких вещах не думать — просто ездил каждое утро “сторожить чужое добро”, чтобы зарабатывать деньги. Никакого удовлетворения от этого, само собой, не испытывал...

— А тебе, Иваныч, твоя работа нравится? — спросил Николай.

— Да как сказать... — тот призадумался.

— Говори, как есть! — потребовал Сивцев.

— Конечно, не особо, но зато у меня есть там своя отдушина. Бывает, зайду во время спектакля в зал и смотрю на детвору, как она смеётся да радуется. И до того мне хорошо становится... — Иваныч замолчал и погладил пальцем усы, глядя затуманенным взглядом в пол.

В этот момент Николай по-доброму позавидовал ему.

— А лучше всё-таки совсем не умирать, — подал голос со своей койки Тихонин. — Или хотя бы жить лет пятьсот.

— Ну, ты хватанул. — Сивцев осклабился. — Куда тебе столько?

— Я бы нашёл куда. А то мы за свою жизнь даже толком мир не успеваем поглядеть.

— Пятьсот лет... ничего себе... — Сивцев взъерошил на голове жёсткие чёрные волосы и опять заходил по палате. — Это что же получится, если все люди будут по пятьсот лет жить? А? Им же на Земле места всем не хватит. — Видимо, эта проблема взволновала его не на шутку, словно она уже стала актуальной. — Да и попробуй прокормить такую уйму народу!

— В космосе места много, — сказал Борисов. — Рано или поздно всё равно большая часть людей туда переберётся. Ещё бы найти подходящие для нас планеты...

— Ну, если только в космосе, — подумав, согласился Сивцев. — Тогда, конечно. Можно жить и по пятьсот.

— Ничего, скоро наука обязательно откроет долголетие... а может, даже и бессмертие — убеждённо сказал Тихонин — скорее, сам себе. — Это только вопрос времени.

— Эх, дожить бы. — Иваныч грустно улыбнулся...

— Ну, что, — сказала Инна Сергеевна при очередном обходе, — анализы у вас хорошие. Обследования тоже ничего плохого не выявили. Думаю, это всё от гастрита. Побудете у нас ещё недельку, попьёте лекарства... — Она призадумалась, затем кивнула, соглашаясь сама с собой. — Должно пройти. Холестерин, правда, высоковат. Я вам дам брошюрку, где написано, что полезно есть, а чего лучше поменьше. С холестерином нужно обязательно бороться, потому что он накапливается в сосудах, а это ведёт к инфаркту. Понятно?

— Куда уж понятней, — весело ответил Николай, довольный тем, что в его организме не нашли ничего страшного. Да и боль вроде бы за эти дни стала меньше досажать. — Буду бороться.

— Ну, тогда до понедельника всем до свидания, — засияла Инна Сергеевна.

— А домой на выходные не отпустите? — спросил Николай.

Та испуганно замахала руками.

— Что вы, ни в коем случае. Не дай бог, проверяющий нагрывает. Я из-за вас выговор не хочу. Квалификацию сразу понизят, а это удар по карману. Сейчас ведь руководство только и смотрит, где и на ком сэкономить. Так что лежите здесь.

Она тут же убежала, как всегда, озабоченная какими-то своими делами.

— У них теперь строго, — подтвердил Иваныч. — Всего бояться.

— Это плохо, — вздохнул Николай. — Тогда позвоню жене, чтобы привезла чего-нибудь домашнего...

— Как ты тут?

Наталья внимательно, с заметным беспокойством, разглядывала мужа, как будто они не виделись несколько месяцев, хотя прошло-то всего четыре дня, да к тому же каждый день созванивались.

Они сидели на лавочке возле входа в корпус. Время приближалось к обеду.

— Нормально. — Николай с трудом сдерживался, чтобы не обнять и не прижать к себе жену, чувствовал, что успел соскучиться по ней. Но на людях не выказывал эмоций, как и подобает мужику.

В детстве отец учил его, что всякие нежности и душевности — это удел женщин.

— Запомни, Колька, мужик — не баба, должен быть волевым и твёрдым. А ещё никогда не показывай вида, что тебе тяжело или плохо, терпи боль и обиду, даже если неможешь совсем...

Николай эти наставления запомнил накрепко и всю жизнь им следовал, не позволяя себе и в самые трудные моменты проявлять хоть какую-то слабость и спонтанность. Но рядом с Натальей, особенно в первые месяцы их знакомства, хоть убей, ничего не мог с собой поделать — в душе начинало твориться чёрт знает что, когда он видел перед собой её глаза, когда слышал её голос и когда пробовал на вкус её губы.

— Вот, собрала. — Наталья протянула ему увесистый пакет. — Поешь хоть домашнего. Тут котлетки куриные, вчера только сделала, салатик овощной, пачка ряженки, немного сыра, конфеты и печенье к чаю... Да, и положила, как ты просил, Салтыкова-Щедрина.

— Молодец, моя школа, — похвалил Николай.

— Как-никак, офицерская жена, — поддержала она его шутку. — Хотя и бывшая.

— Как это, бывшая? — Он притворился, что не понял. — Что, бросаешь меня?

— Конечно, бросаю. Думала, стану генеральшей, а ты, коварный, обманул девушку, майоршей сделал.

— Вот так, да? — Николай скорчил сердитую мину. — Ну, и уходи. Может, найдёшь себе генерала. А я помру одиноким, но гордым майором.

— Дурачок ты мой. — Наталья вдруг прижалась к нему и потёрлась носом о его щёку, покрытую жёсткой щетиной. — Да разве ж я тебя брошу? Это после всего-то, что было?

А ведь действительно, было много чего, если хорошенько вспомнить... Свадьба, когда он, курсант Корнеев, только оканчивал Серпуховское высшее командное училище ракетных войск... Однокомнатная квартира в военном

городке дальнего уральского гарнизона... Полевые выходы два раза в год, когда приходилось по полтора месяца жить в машине обеспечения боевого дежурства... Эпопея с разворачиванием пусковой установки прямо на болоте, где они проторчали двое суток по колено в воде — командование за этот случай наградило его часами “Электроника-5”, а все знакомые и коллеги смеялись, что “Корнеев ракету утопил”... Рождение сына, а потом и дочери, — пожалуй, самый трудный, но и самый счастливый период жизни... И много-много чего ещё...

Они с Натальей прожили вместе больше четверти века, пройдя через разные невзгоды и преодолев всё то, что обрушилось на советских людей в ельцинское лихолетье, хлебнув на двоих всякого... Чего греха таить, конечно, порой происходили между ними размолвки и ссоры, как это обычно случается в любой семье, но всё же лад всегда, в конце концов, одерживал верх, и оба приходили к пониманию, что они являются половинками одного целого, а значит, должны друг за друга держаться и прощать друг другу то, что простить можно...

Николай обнял жену, радуясь, что она смотрелась ещё очень даже привлекательно, не превратилась в бесформенную, ворчливую и вечно всем недовольную клушу, как многие женщины в её возрасте. Его по-прежнему физически влекло к ней, и это было здорово. Вот и сейчас, в своём длинном, цветастом платье, облегающем полную грудь, с русыми волосами, рассыпанными по плечам, Наталья селась в его душе приятное смятение, как и в молодости. Разве что появившаяся в последние годы какая-то усталость на лице немного старила её.

— Может, тебе деньги нужны? — спросила она. — Говорят, врачи подарки любят.

— Да и так вроде хорошо относятся, — пожал он плечами. Пока что никто никаких намёков не делал. — Но дай, на всякий случай, пятисотку, а там видно будет.

— А мы с Анькой вчера по скайпу общались. — Наталья достала из сумочки кошелек. — Я ей сказала, что ты в больнице, так что должна позвонить. — Она протянула купюру.

— Понятно. — При упоминании дочери Николаю вдруг захотелось, чтобы Аня была здесь, рядом, а не за целых две тысячи километров от дома, в северном Архангельске, где она работала в геологоразведке. Правда, в начале лета она приезжала в гости, но казалось, что это было уже так давно. Общение же через интернет всё равно не могло в полной мере заменить живого присутствия человека, а лишь создавало его иллюзию.

— Ты бы с Егором помирился. — Во взгляде жены читалась даже не просьба, а мольба. — И что ты на него тогда накинулся? Как с ума спятил.

Отношения с сыном разладились после того, как пару месяцев назад они полаялись из-за новых друзей Егора. Николаю не нравилось, что все они были слишком деловыми и занимались, в основном, торговлей, а он торгашей никогда не уважал. Долго сдерживался, но тут — как прорвало: немного выпив, он высказал всё, что накопилось в душе. Сын же в ответ посмеялся и заявил, что за такими людьми, как его друзья, будущее, потому как они “умеют жить”, а его отец просто отстал от жизни и всё ещё не может искоренить в себе “совковое” мышление. Николая эти слова зацепили не на шутку. Ну, и пошло-поехало... В общем, разругались они с Егором вдрызг и вот уже два месяца совсем не общались.

Случилось же это буквально перед тем, как начал донимать бок...

— Посмотрим, — засопел Николай. Он ждал, что сын первым пойдёт на примирение, хотя бы из уважения к отцу.

— Ладно, Корнеев, пойду я. — Наталья называла его по фамилии, когда считала, что он не совсем прав, хотя и очень ей дорог. — Всего на часок с работы отпросилась. — Она чмокнула мужа в щёку. — Сильно не скучай. Через несколько дней загляну опять...

— А вот вам, батенька, шах, — важно объявил Сивцев, не заметив на доске подвоха.

— А мы сюда, а заодно вашу пешечку скушаем. — Николай ухмыльнулся, предвкушая близкую победу. Задуманная им комбинация удалась на славу, и через два хода чёрный король Фёдора обречён был пасть под ударом белой ладьи.

Партия происходила в палате, ближе к ужину. Иваныч дремал, Тихонин разбирался с кроссвордом, а Борисов ушёл на прогулку. За окном просматривалась пасмурность, вселяя надежду на долгожданный дождь.

Николай уже взялся за ладью, намереваясь поставить в игре закономерную точку, когда в дверях появилась незнакомая медсестра.

— Требуется мужская помощь, — сухо сказала она, и по её взгляду было ясно, что это не просто рядовая просьба, а нечто большее.

— Гвоздь, что ли, забить? — предположил с усмешкой Сивцев, всё ещё не замечая своего разгрома.

— Нет, не гвоздь, — без тени улыбки ответила медсестра. — Тело надо на вскрытие отвезти.

— Это что, шутка такая? — недоумённо спросил Фёдор и тут увидел проигрыш. — Ё-моё!

— Да уж какие тут шутки. — Женщина погрузилась, и Николай понял, что она на самом деле нуждается в помощи. С такими просьбами без крайней нужды вряд ли кто-то станет обращаться.

— Тело так тело, — спокойно сказал он и поставил “мат”. — Пойдём, родная.

— А ещё один? — медсестра смотрела на Сивцева.

Фёдор оглянулся на Тихонина, но тот уткнулся в кроссворд, сделав вид, что это его не касается.

— Эх, мать моя женщина! — Хлопнув себя по ногам, Сивцев вскочил с койки. — Ну, где ваш покойник?..

Они спустились на первый этаж, вышли из корпуса и направились к соседнему зданию.

— Вы уж меня извините, — оправдывалась на ходу медсестра. — Больных много, а попросить-то и некого. С мужиками дефицит.

— А где же ваши санитары? — задал резонный вопрос Николай.

— Да к нету ж их! Зарплата копеечная, вот и не идёт никто. В основном приходится самим таскать.

— Во, блин, жизнь пошла, — только и смог сказать Сивцев.

Они вошли в дверь с надписью “Морг”. Здесь было прохладно, и в нос сразу ударял неприятный запах затхлости. Николай поёжился и на секунду пожалел, что пришёл сюда, хотя не считал себя особо впечатлительным — побывав во всяких передрягах и повидал немало.

На одном из металлических столов лежал умерший, завёрнутый в белую простыню.

— Кто ж такой? — любопытствовал Фёдор. — Старик, поди?

— Если бы! Молодой совсем. — Медсестра кивнула на стоявшие у стены носилки. — Кладите на них.

— А отчего ж помер? — опять спросил неумный Сивцев.

— Печень разложилась. Пил какую-то гадость.

Николай взял покойника за плечи, а Фёдор за ноги. Дружно подняли его и положили на носилки. Тело ещё не окоченело и казалось тряпичным, словно принадлежало кукле, а не человеку. Видимо, смерть взяла бедолагу совсем недавно.

— А вскрытие-то зачем? — спросил Николай, берясь за передние ручки носилок.

— Положено так, — коротко ответила медсестра. — Заставляют всех вскрывать.

— Для надёжности, что ли? — Сивцев хихикнул и взялся за задние ручки. — Как в том анекдоте: “умер от вскрытия”.

— Несите уже. — Медсестра бросила на него недовольный взгляд: ей было не до шуток. — Надо успеть до конца рабочего дня. Пусть лучше у них до завтра лежит.

Возле входа уже поджидала машина — серый уазик-“таблетка” с красными крестами по бокам. Молодой и круглолицый, пышущий здоровьем во-

датель открыл заднюю дверь, но и не думал помогать с водворением трупа, так что Николаю и Фёдору пришлось самим затаскивать внутрь свою ношу.

Медсестра села рядом с ними и, пока они ехали, почти без умолку судачила о том да о сём, но больше жаловалась на жизнь и работу. Лежащее подле ног тело её, похоже, нисколько не смущало.

— Живу одна с сыном, а он у меня уже школу заканчивает, ему дальше надо учиться, а это ж денег стоит, да немалых, — сетовала она. — А что я на свою зарплату могу? Да ничего. Вот и думай, как тут жить.

— А муж-то где? — вставил вопрос Сивцев.

— Где-где... на бороде. Выгнала его. Пил, нигде не работал, да ещё и руки распускал. Сперва терпела, думала, образумится... Всё надеялась... А потом решила, что хватит, натерпелась. Лучше уж одной, чем с таким оборотом. Даст Бог, найду другого, ведь ещё не старая.

Медсестра выдавила из себя улыбку. В сущности, это была симпатичная женщина лет сорока пяти, которая, если бы захотела, могла без усилий обзавестись нормальным мужиком. С такими женщинами мужчинам всегда тепло и уютно, от них никогда не слышно каких-то особых претензий или недовольства, они не изводят вечными требованиями заботы о них и доказательствами любви. А это немаловажно, если не самое главное для любого здорового представителя сильного пола.

— А алименты он что, не платит? — всё не унимался Сивцев.

— Да какие с него алименты? — Медсестра вздохнула. — Он ведь так и не работает.

— А живёт тогда на что?

— На то и живёт... Где кому что поможет за магарыч, где займёт без отдачи. Кто напоит, кто накормит, а ему и хватает. Привык уже лоботрясничать. Да и дур вроде меня, опять же, хватает. То одна пригреет, то другая. Ведь мы, бабы, сначала руководствуемся чувствами, и только потом головой.

— Это точно, — согласился Сивцев. — Потому и влюбляетесь в разных шалопутов и непутёвых.

— Где бы ещё путёвых набраться на всех... Спиваетесь вон да помираете раньше срока...

Николай молча слушал этот разговор, стараясь не смотреть на покойника, и в голову ему лезли невесёлые мысли, а душу заполняло уныние.

“Вот так и меня когда-нибудь повезут завёрнутым в белую простыню, а рядом будет сидеть такая вот медсестра и точно так же что-то обсуждать, не обращая внимания на мой труп”.

Ему стало обидно за себя. Чёрт возьми, как-то не хотелось, чтобы всё было именно так — обыденно и безвкусно. Разум протестовал и возмущался.

“Чушь ведь полная! Неужели человеческая жизнь обязательно должна заканчиваться так несуразно? Конечно, если разобраться, мне уже не будет никакой разницы, но всё же... Неужто нельзя как-нибудь попримягней?”

Машина остановилась в каком-то дворе, и водитель открыл заднюю дверь.

— Конечная остановка, — весело произнёс он. — Все, включая усопшего, на выход.

Видно, у парня было отличное настроение.

Николай и Фёдор вытащили носилки с телом и вслед за медсестрой вошли с ними в широкую двустворчатую дверь, над которой висела большая жёлтая табличка с красными буквами “Областное бюро судебно-медицинской экспертизы”.

В коридоре, где они оказались, пахло ещё хуже, чем в больничном морге, и потому хотелось побыстрее выйти обратно на свежий воздух.

— Совесть бы поимели, — с возмущением встретил их врач лет сорока, облачённый в зелёную робу, поверх которой был надет серый фартук с пятнами крови, как у мясника. — Пятница всё-таки. На кой он мне сдался в конце рабочего дня?

От врача попахивало “свежаком”. Наверное, ему не хватило терпения дожидаться окончания трудовой смены, а может, это было его обычное рабочее состояние.

— Принимай-принимай, Витя. — Медсестра со злорадной усмешкой протянула ему бланки для оформления. — У тебя ещё целый час есть.

Николай и Фёдор поставили носилки на пол и аккуратно сняли с них умершего.

— Нашёл когда помереть, — покачал головой врач, ставя подписи. — Ну, не гад ли? Не мог до понедельника подождать?

Николай заглянул в открытую дверь, из которой вышел врач, и увидел жутковатого вида металлический стол со стоками для крови и ещё какими-то приспособлениями, про назначение которых лучше было не знать.

— Простыню надо забрать, — сказала медсестра. — Я за неё платить не хочу.

Она размотала простыню, и взглядам Корнеева и Сивцева предстало голое тело парня, чья душа уже пребывала где-то в мире ином, быть может, в том, что намного лучше мира земного.

— Приподнимите его, я выдерну, — попросила их женщина.

Пришлось теперь братья за неприятно холодные плечи умершего.

— Кладите на каталку, — деловито распорядился врач.

— Чего? — Сивцев вытаращил глаза.

— Говорю, сюда кладите. — Врач похлопал рукой по стоявшей рядом тележке.

Николай понял, что сделать ещё и это будет уже выше его душевных сил, и, не говоря ни слова, взял носилки и пошёл по коридору к выходу.

За его спиной тут же раздались шаги Фёдора.

— Эй, вы куда? — крикнул им вслед врач. — Мужики! А покойник?

— Да пошёл ты! — зло ответил, не оборачиваясь, Сивцев. — Мы вам тут не нанимались трупы бесплатно таскать...

Пока ехали обратно в больницу, Корнеев размышлял о жизни и смерти, а жуткий стол для вскрытия всё стоял у него перед глазами.

“Это ж надо, что понапридумывали всякие умники. Ещё, небось, и премию за такое изобретение хапнули, а как же... Конечно, понятно, что надо выяснять, отчего человек помер, да и мёртвому-то, в сущности, уже всё равно, что с его телом творят, но... как-то слишком мрачно и бездушно всё получается”.

Очень не хотелось попадать под нож такому “мастеру разделки”, и Николай состроил в уме кукиш всем патологоанатомам мира.

“Дудки вам, господа хорошие, подождёте. Поживём ещё...”

И сразу ему стало легче от такой мысли, словно и вправду его жизнь теперь должна была стать намного дольше. Он смотрел на идущих по улицам людей и радовался, что все они живы и на вид неплохо себя чувствуют.

“Мы ведь даже не понимаем толком, что нам дана такая удивительная штука, как жизнь, то есть возможность увидеть и как следует узнать этот грандиозный мир. Мы всё время заняты какими-то мелкими проблемами и растрчиваем годы чёрт знает на что, вместо того чтобы совершать что-нибудь нужное и хорошее. И только столкнувшись близко со смертью, вдруг начинаем о чём-то таком догадываться и прозревать...”

Николаю уже не терпелось выписаться из больницы и начать жить по-новому — более осмысленно и полезно, не отвлекаясь на всякую ерунду. Он сейчас ещё точно не знал, как именно изменить свою жизнь, но очень сильно желал этих перемен.

После выписки первым делом, решил Корнеев, проведая сына и с ним помирюсь, а то нехорошо получилось и просто глупо. Ведь я же всё-таки отец, а значит, должен быть мудрее. Егора можно понять — молодой, хочет самостоятельно добиваться всего в жизни, до всего доходить собственным умом. К тому же, девушка у него появилась — даст Бог, поженятся... Ну, а упрямство характера — так это ведь такая их, корнеевская, порода, и за это осуждать его не стоит...

Николай вспомнил, что должна позвонить дочь, и он скоро услышит её голос. Как она там, в своём Архангельске? Всё ли в порядке у неё? Может, уже встретила там любимого человека и порадует отца таким известием? Эх, неплохо бы...

И только тут до него дошло, что никакой боли в боку уже нет — пропала так же внезапно, как и появилась. Похоже, она действительно была от нервов, как и сказал ему молодой врач. Выходит, повезло...